УДК 316

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

© 2009 г.

А.Б. Томилов

Казанский государственный технологический университет

alex_t@rekolift.ru

Поступила в редакцию 17.04.2009

Рассматриваются концептуальные подходы к структурированию общества потребления. Предпринимается попытка систематизировать различные концепции структурного анализа, проследить их эволюцию, определить современные концептуальные границы изучения социальных структур.

Ключевые слова: структурный анализ, общество потребления.

После Второй мировой войны в научных кругах Запада стали говорить о возникновении общества потребления. Основой для построения подобной концепции явились результаты массового производства, с одной стороны, и значительный рост денежных доходов населения, создававший возможности повышения платежеспособного спроса, – с другой. Доступность большинства потребительских благ, стремление людей к удобству и комфорту, растущая значимость свободного времени, жажда покупки становились важнейшими характеристиками развития обществ Запада[1]. Считается, что развитие общества к обществу массового потребления – процесс, который во всех индустриальных рыночных странах осуществляется схожим образом. При этом первоначально развитие этого процесса произошло в американском обществе в 1930–1940-е годы, а затем он распространился и в странах Западной Европы[2].

Одна из наиболее характерных черт этого процесса – изменения в социальной структуре общества. Более чем полувековая история развития обществ потребления Запада знала различные концепции социального структурирования, в которых эти процессы находили собственное «рефлексивное зеркало» – «класс», «слой», «социальное положение», «социальная среда», «жизненный стиль».

Данная статья представляет собой попытку систематизировать различные концепции социального структурирования в обществе потребления (основываясь главным образом на немецких источниках).

Классовый подход связан с именами К. Маркса и М. Вебера. Оба в основу классового деления общества положили экономический критерий. Однако во всем прочем их концепции принципиально расходятся – одна дает представление об изменении социальной структуры с точки зрения перемен в производственных силах, вторая – с точки зрения действующих на рынке групп индивидов.

К. Маркс определил образ экономики через наличные производительные силы, которые применяются для создания продукта. Их использование, вкупе с общественным разделением труда, ведет к известным отношениям собственности на средства производства, благодаря чему классы общества отделяются друг от друга. Изменение формы собственности на средства производства приводит в движение классовую структуру, которая приходит в противоречие с возникающими производственными отношениями. Господствующая форма собственности образует базу для существования основного класса. В капиталистическом обществе разграничивающий классы социальный разрез проходит между представителями капитала (буржуазией) и наемного труда (рабочими). Наряду с господствующей формой, существуют также другие формы собственности, которые являются основой для существования второстепенных классов. Эти классы являются либо остатком старых, либо результатом появления новых, еще недостаточно развитых производственных отношений[3]. В первобытном же обществе классов не существовало, поскольку слабый уровень развития производственных сил создавал условия общей собственности на средства производства и неспециализированного труда, что исключало возможность «эксплуатации человека человеком» и

порождение «классовой борьбы»[4]. Их возникновение впервые произошло тогда, когда люди получили возможность (благодаря росту производительности труда) производить больше, чем было нужно для удовлетворения жизненно необходимых потребностей.

Причем в условиях капиталистического способа производства продукт человеческого труда приобретает «собственную жизнь», которую К. Маркс сравнивает с «волшебством». Это волшебство соответствовало в первобытном обществе фетишу (отсюда название этого явления – «товарный фетишизм»). Однако идеологическая иллюзия кажущейся «собственной жизни» товаров – не простое суеверие. Она восходит к реальному разделению труда и частной собственности на средства производства (со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде присваивания капиталистами «добавленной стоимости»). Производство осуществляется не в интересах создания ценности применения вещи как таковой, а в интересах ценности обмена или достижения прибыли. Создающие реальную ценность рабочие деградируют до призрачного «объекта» рабочей силы, которая для «субъекта» производит товары. Их общественные поступки находятся во власти формы движения вещей, под контролем которых они находятся, вместо того, чтобы их контролировать.

Принципиально иначе к вопросу социального структурирования подошел М. Вебер. С его точки зрения социальная структура имеет три измерения: «классы» (в отличном, не марксистском понимании), «сословия» и «партии»[5]. Сословное разделение обеспечивает относительную стабильность принципов потребления и распределения товаров. Любое технико-экономическое изменение (НТР) угрожает ему и выдвигает на первый план классовое положение. Времена преимущественного значения классового положения – это времена технико-экономических изменений. В то время как каждое замедление экономических процессов ведет к росту сословных образований.

Класс, по М. Веберу, – это группа людей, имеющих сходное положение в рыночной экономике и сходные жизненные шансы в целом. Эта группа возникает в данной «классовой ситуации». Классовая ситуация – типичные шансы получения прибавочного продукта, внешние условия жизни и личный жизненный опыт, которые детерминированы объемом и видом власти распоряжаться товарами или квалификацией в целях получения дохода в рамках данного экономического порядка. Т.е. вероятность, с какой человек будет относиться к тому или иному классу, зависит от вида и степени полного или частичного контроля, который индивид осуществляет над товарами или услугами и наличными возможностями их использования ради получения дохода или прибыли. С этой точки зрения в капиталистическом обществе различаются группы с позитивной или негативной привилегированностью в отношении к собственности. При этом различные классовые статусы, между которыми наблюдается типичное взаимодействие индивидов, имеющих сходство жизненных условий, образуют социальные единства – т.н. «социальные классы». М. Вебер при этом отмечает, что единство «социальных» классов очень относительно и подвижно. Очень сильно варьируются между собой традиции, характеризующие различные классы. Они разнятся друг от друга по текучести кадров и той легкости, с какой индивиды входят в данный класс и покидают его. Классовые положения, во всем своем многообразии и различиях, конституируются благодаря контролю над различными сочетаниями потребительских товаров, средств производства, инвестиций, основных капиталов и рыночных способностей. Только те, кто совсем не имеет квалификации и собственности, кто зависит от случайных заработков, в строгом смысле обладают одним и тем же классовым статусом[6].

По отношению к чисто экономически определенному «классовому положению» «сословное положение» – это любой типичный компонент жизненной судьбы, который проявляется через специфическое, позитивное или негативное, оценивание социальной почести. Это оценивание основывается на образе жизни, формальных правилах поведения, престиже происхождения или профессии. Т.е. это специфический стиль жизни, который ожидается от тех, кто высказывает желание принадлежать к данному кругу людей. Связанные с этим стилем ожидания представляют собой ограничения «социального» общения. С точки зрения сословий, общество вообще устроено конвенционально и тем самым создает экономически иррациональные условия потребления и препятствует свободному

распоряжению способностями и образованию свободного рынка.

«Сословное положение» может основываться на «классовом положении», однако детерминировано не только им одним. Владение и не владение деньгами отнюдь не означает сословную квалификацию или дисквалификацию. В свою очередь, классовое положение может обуславливать сословное. Например, во всем мире в большинстве случаев богатейший человек считается «предводителем», что часто означает оказание социальной почести. В то же время сословная почесть совсем не обязательно детерминистично связана с классовым положением. И собственники, и те, кто не владеет собственностью, могут принадлежать к одному сословию. Например, сословное равенство американских джентльменов выражается в том, что за пределами чисто вещественного порядка подчинения на предприятии (где еще господствует старая традиция слыть строгим), когда богатый шеф приглашает своего подчиненного вечером в клуб, на партию в бильярд или за карточный стол, то в некотором смысле он ведет себя как равноценный.

Упрощенно можно сказать, что классы различаются по отношению к производству и стяжательству благ. Сословия – по принципу потребления товаров в устройстве специфических типов образа жизни.

Рассмотренные классовые концепции оказали сильное влияние на последующее развитие социальных теорий. Идея «товарного фетишизма» К. Маркса в форме т.н. «дискурса» (знаковой системы) получила развитие в «Системе вещей» Ж. Бодрийяра и сегодня является серьезным аргументом критиков общества потребления[7]. Идея М. Вебера относительно конвенциональности человеческих действий нашла отражение в «классовых фракциях» П. Бурдье[8], которые сегодня используются в теориях социальных сред.

Наконец, есть исследователи, которые считают, что сословия, по крайней мере в статусной форме, имеют место быть и в современном обществе[9].

Противоборство этих двух концепций классового социального структурирования вылилось в образоваьние в 1930-х годах новой концепции «слоя», которая связывается с именем немецкого классика Т. Гайгера[10]. По его мнению, понятие слоя должно быть суждением, образующим подходящую основу для дискуссии по отношению к оспариваемой теории класса (главным образом, теории К. Маркса). Классовые структуры оставляют в стороне исторические общественные типы, такие как сословия, касты. Существует необходимость в использовании охватывающего эти и другие исторические типы широкого понятия. Т.е. деление по слоям – расчленение общества по типичным социальным положениям их членов без четкого определения этих социальных положений или характеристик, с которыми они в исторической перспективе связаны[11].

По Т. Гайгеру, если исследователь задастся вопросом о тех объективно существующих различиях, которые в «локально» определенном обществе наиболее сильно «структурно» разграничивают людей в социальном пространстве, то ответ для разных обществ может быть различным (а не только, например, марксистский момент, объясняющий все производительными силами). Это отнюдь не означает, что в основу деления можно положить все известные образцы поведения, мнения, направления социальной воли и т.п. Лишь те характеристики могут служить критериями отличий людей, которым можно приписать некоторую общественную значимость вследствие повседневных наблюдений. Это могут быть различные характеристики в различных временах и народах. В результате должна родиться гипотетическая модель, которая вбирает в себя лишь существенные («определяющие судьбу») характеристики социального положения (возможные другие не принимаются во внимание).

Однако что для слоя должно быть конституирующим: характеристика положения или характеристика поведения? По мысли Т. Гайгера, верно, что «голое» описание классификации отдаляется от того, чтобы причислить поведение к условиям существования людей. Также верно, что нет строгого соответствия между социальными положениями и менталитетами. Если говорить о слое как об определенном типе чувствования и мышления, чувства принадлежности, наконец, о группе, которая идеально воспринимает экономическую систему, то подобные понятия хоть и допускают деление общества, но «неудачные» в принципе, поскольку далеко не каждый представляет экономическую систему идеально, не каждый чувствует себя принадлежащим группе. Так можно прийти к понятию «диффузной массы». Одновременно «окраска, идеальная функция узнавания» теряется при попытках отделить детерминанты слоя от внешних черт положения. Так, например, выделение групп людей по доходам говорит скорее о статистических

группах, а не о слоях. Поэтому ничего другого не остается, кроме того как охватить находящихся в одинаковом социальном положении членов общества, сперва не оглядываясь на субъективные факторы, а потом все же исследовать, какие мнения, образцы поведения господствуют в слое. Если рассмотреть положение и поведение сначала отдельно и лишь потом сравнить их друг с другом, можно понять, какое поведение типично для социального положения. Тогда поведение локализируется в слое.

Сегодня концепция слоя используется в модернизированных вариантах. Аналитики разделяют население на слои – большинство говорят также о классах в современной, немарксистской версии – и наблюдают при этом различия в двух сферах: к слою причисляются люди со схожими «внешними» жизненными условиями, как и со схожими «внутренними» чертами. К внешним жизненным условиям относятся в основном: профессиональная позиция, доход, уровень квалификации, социальный престиж. Часто деление по слоям ориентируется на профессиональные позиции, потому что с ними тенденциозно связаны другие специфичные для слоя критерии. Как правило, высокие профессиональные позиции предусматривают хорошую квалификацию, сравнительно высокий доход, высокий социальный престиж. Анализ по слоям исходит из того, что люди в схожих жизненных условиях обладают и схожим жизненным опытом и что «внешнее жизненное положение» поэтому оказывает определенное влияние на развитие личности и на отношения людей. Принимают во внимание, что образуются типичные для слоя менталитеты и жизненные стили. При этом детерминистично не установлено, что «бытие определяет сознание» или что «внешние» жизненные условия опосредуют «внутренние» черты и манеру вести себя. Однако эмпирически проверено, в каких областях и как сильно внутренние и внешние структуры зависят друг от друга. Следующее важное замечание относится к тому, что взаимодействие типичных для слоя жизненных условий и типичных для слоя менталитетов имеет последствием дифференциацию в соответствующих жизненных шансах, т.е. в типичных привилегиях и преимуществах[12].

Попытки в 1950-х и 1960-х годах упростить целостность реальных структур на основе существующего основного образца, привели к различным моделям слоя и противоречивым представлениям о социальной структуре.

С. Ландсхутс и Х. Шелскис предложили концепцию «нивелированного общества среднего слоя», в которой обозначили коллективные процессы социального подъема и спуска в высокомобильном обществе. Эти процессы размывают классы и слои и ведут к социальному нивелированию общественной сердцевины[13]. Примечательно, что в 1998 году Р. Хабич и Х.-Х. Нолль провели «исследование благосостояния» жителей Восточной и Западной Германии, чтобы отразить в трехслойной модели, содержащей субъективные критерии выделения слоев, различия Востока и Запада. В результате они пришли к выводу, что Западная Германия уже давно понимается жителями как «общество среднего класса» (59% посчитали себя принадлежащими к среднему слою и только 28% – к слою рабочих). Восточная Германия, напротив, осталась обществом низшего слоя и рабочих (61% причисляли себя к низшему и рабочему слою и только 36% – к среднему слою). По мнению исследователей, в новых Землях еще действует социалистическая идеология рабочего класса, которая преувеличивает разницу в существующем дефиците жизненного стандарта жителей Восточной Германии по отношению к Западной Германии[14].

Р. Дарендорф, напротив, указал на, как и прежде, существующие барьеры социальной мобильности и противопоставил тезису нивелирования модель «дома», в котором он выделил семь классов и слоев[15].

В 1960-х годах Р. Гайслер предложил модернизированную модель «дома» социального деления по слоям западного немецкого населения. Эта модель ориентируется на основной образец Р. Дарендорфа, но все же содержит дальнейшие линии дифференциации[16]. При этом Р. Гайслер обратил внимание на особенности слоев в современных социальных структурах.

Так, обозначенные линии в модели «дома» не означают четкого разграничения слоев, какие существовали в сословных обществах или в кастовой системе. В современных социальных структурах, напротив, слои не имеют четких границ, они накладываются, переходят друг в друга. Через социальную мобильность слои стали более проницаемыми.

Существует длительная историческая тенденция к дифференциации и размыванию слоевых структур. Зависимость между внешними жизненными условиями, с одной стороны, и менталитетами и образцами поведения, с другой стороны, размыта. Например, минимальная форма участия в выборах в бундестаг (немецкий парламент) не зависит от принадлежности к слою,

в то время как обязанности в партии или гражданские инициативы четко варьируются по слоям. В верхних слоях они выражены сильнее, чем в нижних.

Типичные для слоя различия во времена массового потребления часто нельзя наблюдать на жизненной поверхности «с первого взгляда», они проявляются только посредством социальных исследований. Например, в каждом жилье есть свой цветной телевизор, но используемая марка, просматриваемые телевизионные каналы все еще различаются, как и прежде, типично по слоям.

Модель слоя учитывала в основном так называемые «вертикальные» различия. Так называемые «горизонтальные» различия (между мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, между различными поколениями или регионами, между состоящими в браке и нет, многодетными и бездетными) в ней не находили отражения.

Чтобы полнее охватить многовеличинность различия социальных структур в конце 1980-х годов С. Хрaдил предложил использовать модель «социального положения». Эта модель основывается на специфичном понимании «жизненных целей». Последние обозначают целевые позиции с точки зрения качества жизни, которое результируется в процессе реализации политической воли и становится относительно явным в форме «официальных» или «квазиофициальных» доктрин (например, текстов законов, партийных программ и т.п.). Т.е. социальное положение, по мнению С. Хрaдила, включает, помимо «традиционных» условий действия индивидов (какие использовались в структурировании общества по слоям), также спектр рисков и влияний, величин культурного выражения и ограничений, устанавливаемых государством. Каждое социальное положение характеризуется «доминирующими», «важными» и «неважными» жизненными условиями, причем доминирующие условия и их выражение выступают определяющим фактором для важных условий (например, формально высокообразованный человек получает относительно высокий доход, имеет более приятную обстановку жилья и т.п.). Таким образом, для каждого индивида возможно определить социальный статус-кво или «контекст условий действия», которые в конечном счете через образование типичных социальных контекстов позволяют дать структурное описание «популяции»[17].

Эта модель особенно хорошо вписывалась в «исследования благосостояния», которое учитывает как материальные ресурсы («объективное благосостояние»), так и удовлетворенность жизнью населения («субъективное благосостояние»). Для учета этих факторов применяется простой реестр моделей положения. Например, в применяемой Исследовательским центром социальных исследований Берлина модели, наряду с вертикальным критерием профессиональной позиции, введен ряд горизонтальных критериев поколения и возраста – выше и ниже 60 лет. Из комбинации трех характеристик оформились 42 социальных положения, которые опосредовали относительно дифференцированные взгляды на разделение материальных ресурсов и различия в субъективном ощущении блага. Так, идентифицировались следующие проблемные группы с малыми ресурсами и высоким уровнем неудовлетворенности: фермеры, безработные, незанятые мужчины в трудоспособном возрасте, необученные и обученные взрослые люди, которые прежде были незанятыми[18].

Наряду с концепцией социального положения к важнейшим новым моделям структурного анализа относятся исследования социальных сред. Они развивались в 1980-х годах «Синус-институтом» (Институтом рыночных исследований и исследований потребительского выбора» в Германии), а затем перешли в социальные науки, в которых прежде всего привели к буму исследований «жизненных стилей». Концепцию социальных сред можно обозначить как «субъективистский» или «культурологический» аспект социального структурного анализа. В то время как анализ общества по слоям сначала делит население по схожим «объективным жизненным условиям» или «объективным социальным положениям» и только потом исследует, какие менталитеты, поведенческие образцы, позиции и жизненные шансы связаны с различными жизненными обстоятельствами типичны для слоя, социальные среды группируют людей сначала по различиям в их ценностных ориентациях и жизненных стилях. Разграничения между социальными средами схожи с границами в моделях социальных слоев: они не обозначают четких «реальных» границ – среды, как и слои, не имеют четкого деления на группы. «Синус-институт» определяет среду следующим образом: «социальная среда охватывает людей, которые сходятся в воззрениях на жизнь и типичным образом жизни; которые образуют одинаковые «субкультурные» единства внутри общества»[19].

В Германии существует две карты социальных сред для восточной и западной частей, опосредованные различиями в развитии в течении

четырех десятилетий. Примечательно, что среды в высшем, среднем и нижнем срезе слоевой иерархии различаются типичным образом. В этом пункте анализ сред подтверждает выводы теории слоя. На различных плоскостях слоевой иерархии располагаются не единичные типичные среды, а многие – две, три, в сердцевине немецкого общества 1990-х годов – пять, шесть сред. Модель среды, таким образом, дифференцированнее, плюралистичнее, чем модель слоя, она более чувствительна по отношению к социокультурным различиям (ценностным ориентациям, жизненным стилям) внутри слоев и выражает культурное многообразие современных социальных структур лучше, чем слоевой анализ[20].

Ежегодно замеряемые данные «Синус-института» позволяют сделать вывод о двух важнейших передвижках или тенденциях развития в структуре социальных сред с 1982 года. Так, всеобщее изменение ценностей от традиционных к так называемым «постматериальным» ориентациям отражается в изменениях социальных сред – объем традиционно ориентированных сред в нижней и средней сферах общественной иерархии (традиционных для среды рабочих и традиционной городской среды) с 1982-го по 2000 год снижается. Напротив, среда с конвенциональными и индивидуалистическими представлениями, среда с ориентациями на наслаждение и переживания выросли. Эта связка часто обозначается как «постматериализм» или снабжается этикеткой постмодерна. Структуры социальных сред стали более дифференцированными. В общественной сердцевине в конце 1990-х годов образовались две новые среды – на Востоке и Западе. В конце 1990-х годов можно наблюдать, таким образом, в старых Землях 10 сред, в новых Землях 11 сред[21].

В последнее время среди представителей структурного анализа ведется дискуссия, размываются ли классы или слои в ходе модернизации общества? К тем, кто придерживается тезиса размытия (или «деструктурирования») относятся У. Бек[22] и Г. Шульце[23]. К их критикам относятся, например, М. Вестер[24] и Р. Гайслер.

Ульрих Бек формулирует тезис размытия в своей книге «Общество риска» и в главе, которая обозначена «По сторону класса и слоя», пишет: «Мы живем сегодня в ФРГ, хотя и в продолжающем существовать и обновляться социальном неравенстве, но уже в отношениях, выходящих за контекст классового общества… Субкультурные классовые идентификации и связи сужаются и размываются. Одновременно приходит в движение процесс индивидуализации и дифференциации жизненных положений и жизненных стилей, который подрывает иерархическую модель классов и слоев и ставит под вопросом сохранение их в действительности»[25].

Но также и противники тезиса размывания классов и слоев наблюдают повышение жизненного стандарта, увеличение многообразия жизненных условий, индивидуализационный сдвиг, увеличение мобильности как важнейшие тенденции развития в современных социальных структурах. В то же время обращают внимание на то, что деструктурирующее влияние этих перемен на систему слоев преувеличена. Слоевые структуры современного общества не исчезают, а становятся динамичнее, мобильнее и плюралистичнее. Характерно для современного общества не размытие социальных слоев, а появление динамичных, плюрализированных слоевых структур, которые ввиду своего многообразия стали неохватываемыми[26].

Как видим, вектор эволюции социальных структур в обществе потребления направлен на постепенное сужение социальной иерархии. Объективные критерии, характеризующие классы и слои, становятся недостаточными для описания существующих отношений неравенства жизненных шансов людей. Современный структурный анализ в обязательном порядке учитывает и субъективные критерии, основанные на сходствах жизненных стилей. Что касается версии о размывании классов и слоев, то они ограничены в основном немецкими исследованиями социальной структуры. Во Франции, Великобритании, США и Канаде нет исследователей, которые оспаривали бы существование социальных слоев в современных социальных структурах.

Примечания

1. Fischer J. Warenwerbung und Warentest oder Poetismus und Rationalismus // In: Kai-Uwe Hellmann / Dominik Schrage (HRSG.), Konsum der Werbung. Zur Produktion und Rezeption von Sinn in der kommerziellen Kultur. Wiesbaden, 2004. S. 49–62.

2. Siegrist H.: Konsum, Kultur und Gesellschaft im modernen Europa // In: Siegrist H., Kaelble H., Kocka J. (Hrsg.): Europäische Konsumgeschichte. Zur Gesellschafts- und Kulturgeschichte des Konsums (18. bis 20. Jahrhundert). Frankfurt/New York, 1997. S. 18.

3. Georg Klaus / Manfred Buhr (Hrsg): Marxistisch-Leninistisches Wörterbuch der Philosophie. S. 619–620.

4. Koch M. Vom Strukturwandel einer Klassengesellschaft. Westfälisches Dampfboot. Münster, 1994. S. 22.

5. Партийный срез общества в настоящей статье не рассматривается.

6. Примером «социальных классов» выступают: а) «рабочий» класс как целое (занятый в механизированном процессе); б) класс мелких собственников; в) «интеллигенция» без самостоятельной собственности и лица, чье социальное положение зависит от технических знаний (инженеры, коммерческие и другие служащие, а также чиновники; эти группы сильно различаются между собой, особенно в зависимости от ценности обучения); г) классы, занимающие привилегированную позицию благодаря собственности и образованию. См.: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft, Kap. IV, S. 177–180.

7. Бодрийяр Ж. Система вещей // М.: РУДОМИНО, 2001. С. 101.

8. Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // Schriften zu Politik und Kultur: Die verborgenen Mechanismen der Macht. Hamburg, 1992. S. 55–72.

9. Bolte K.M. Strukturtypen sozialer Ungleichheit // In: Berger P.A. / Hradil St.: Soziale Welt, Sonderband 7: Lebenslagen, Lebensläufe, Lebensstile. Göttingen, 1990. S. 38–39.

10. Geiger T. Arbeiten zur Soziologie, 1962, Neuwied, Teil II, Kap. 10, S. 186–205.

11. В англосаксонской литературе, которая использовала раньше понятие «социальный класс» (как в марксистском, так и в специфическом ином смысле), для такого общего понятия используется «социальная страта».

12. Geißler R. Facetten der modernen Sozialstruktur – Modelle und Kontroversen // Informationen zur politischen Bildung (Heft 269) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.bpb.de/publikationen/3KK1NR.html (01.10.2008).

13. Dahrendorf R. Gibt es noch Klassen? // In: Seidel B.; Jenkner S. Klassenbildung und Sozialschichtung. Darmstadt, 1968. S. 279–296.

14. Geißler R. Facetten der modernen Sozialstruktur – Modelle und Kontroversen // Informationen zur politischen Bildung (Heft 269) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.bpb.de/publikationen/3KK1NR.html (01.10.2008).

15. Dahrendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München, 1965. S. 105.

16. Geißler R. Die Sozialstruktur Deutschlands. Opladen, 1996. S. 86.

17. Всего же для ФРГ С. Хрaдил выделил 13 социальных положений от властной элиты до групп риска. Hradil S. Sozialstrukturanalyse in der fortgeschrittenen Gesellschaft. Opladen, 1987. S. 139–177.

18. Geißler R. Facetten der modernen Sozialstruktur – Modelle und Kontroversen // Informationen zur politischen Bildung (Heft 269) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.bpb.de/publikationen/3KK1NR.html (01.10.2008).

19. Население опрашивается по их ценностным ориентациям, жизненным целям, по их позиции в отношении работы, свободного времени и потребления, семье и партнерству, по их перспективам относительно будущего, об основных политических предпочтениях и жизненных стилях. Затем полученные характеристики собираются в «социальных средах» или «субкультурных» единствах. См.: Geißler R. Facetten der modernen Sozialstruktur – Modelle und Kontroversen // Informationen zur politischen Bildung (Heft 269) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.bpb.de/publikationen/3KK1NR.html (01.10.2008).

20. Geißler R. Facetten der modernen Sozialstruktur – Modelle und Kontroversen // Informationen zur politischen Bildung (Heft 269) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.bpb.de/publikationen/3KK1NR.html (01.10.2008).

21. Geißler R. Facetten der modernen Sozialstruktur – Modelle und Kontroversen // Informationen zur politischen Bildung (Heft 269) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.bpb.de/publikationen/3KK1NR.html (01.10.2008).

22. Beck U. Jenseits von Klasse und Schicht // In: ders., Risikogesellschaft. Frankfurt/M., 1986. S. 121–160.

23. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart (2. Auflage), Frankfurt a. M.: Campus, 1992. S. 13–31.

24. Vester M. Klassengesellschaft ohne Klassen. Auflösung oder Transformation der industriegesellschaftlichen Sozialstruktur // In: P.A. Berger / M. Vester (Hg.), Alte Ungleichheiten – Neue Spaltungen. Opladen, 1998. S. 109–147.

25. Beck U. Jenseits von Klasse und Stand? Soziale Ungleichheit, gesellschaftliche Individualisierungspro-

EVOLUTION OF STRUCTURAL SCHEME OF THE CONSUMERS` SOCIETY

A.B. Tomilov

The subject of this article are conceptual methods of approach to the structural scheme of the consumers` society. The attempts to systematize different conceptions of structural analysis to retrace their evolution and to define contemporary borders of studying of social structures are given in the present article.

Keywords: structural analysis; consumers` society.

zesse, und die Entstehung neuer sozialer Formationen und Identitäten // In: Kreckel R. Soziale Ungleichheiten. Göttingen: Schwartz, 1987. S. 35–74.

26. Geißler R. Facetten der modernen Sozialstruktur – Modelle und Kontroversen // Informationen zur politischen Bildung (Heft 269) [Эл. ресурс]. – Режим доступа:
http://www.bpb.de/publikationen/3KK1NR.html

Список литературы

1. Beck U. Jenseits von Klasse und Stand? Soziale Ungleichheit, gesellschaftliche Individualisierungsprozesse, und die Entstehung neuer sozialer Formationen und Identitäten // In: Kreckel R. Soziale Ungleichheiten. Göttingen: Schwartz, 1987. S. 35–74.

2. Bolte K.M. Strukturtypen sozialer Ungleichheit // In: Berger P.A. / Hradil St.: Soziale Welt, Sonderband 7: Lebenslagen, Lebensläufe, Lebensstile. Göttingen, 1990. S. 27–49.

3. Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // Schriften zu Politik und Kultur: Die verborgenen Mechanismen der Macht. Hamburg, 1992. S. 55–72.

4. Dahrendorf R. Gibt es noch Klassen? // In: Seidel, B.; Jenkner, S. Klassenbildung und Sozialschichtung. Darmstadt, 1968. S. 279–296.

5. Fischer J. Warenwerbung und Warentest oder Poetismus und Rationalismus // In: Kai-Uwe Hellmann / Dominik Schrage (HRSG.), Konsum der Werbung. Zur Produktion und Rezeption von Sinn in der kommerziellen Kultur. Wiesbaden, 2004. S. 49–62.

6. Geiger T. Arbeiten zur Soziologie, 1962, Neuwied, Teil II, Kap. 10. S. 186–205.

7. Geißler R. Facetten der modernen Sozialstruktur – Modelle und Kontroversen // Informationen zur politischen Bildung (Heft 269) [Эл. ресурс]. – Режим доступа:
http://www.bpb.de/publikationen/3KK1NR.html
(01.10.2008).

8. Georg Klaus / Manfred Buhr (Hrsg): Marxistisch-Leninistisches Wörterbuch der Philosophie. S. 619–620.

9. Hradil S. Sozialstrukturanalyse in der fortgeschrittenen Gesellschaft. Opladen, 1987. S. 139–177.

10. Siegrist H.: Konsum, Kultur und Gesellschaft im modernen Europa // In: Siegrist H., Kaelble H., Kocka J. (Hrsg.): Europäische Konsumgeschichte. Zur Gesellschafts- und Kulturgeschichte des Konsums (18. bis 20. Jahrhundert). Frankfurt/New York, 1997. S. 13–48.

11. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft, Kap. IV, S. 177–180, Kap. VIII, S. 531–540.

12. Бодрийяр Ж. Система вещей // М.: РУДОМИНО, 2001. 201 с.